

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ РУССКОГО ВОЛЬНОДУМСТВА

В настоящей заметке речь идет о повести, написанной на основе устных рассказов о Владе Цепеше – румынском государе, славившемся своей жестокостью. Она носит название «Сказание о Дракуле воеводе», или «Повесть о Дракуле». Это одно из первых собственно русских произведений, относящееся к начальному периоду становления оригинальной беллетристики. Ее автором считается влиятельный дьяк при дворе Ивана III Федор Курицын, который был в составе посольства в Венгрии в 1482-1484 гг. и мог по возвращении воплотить свои впечатления и слышанные им истории в самобытной художественной форме. Впервые эту догадку высказал А. Х. Востоков, описывая рукописи Румянцевского музея и обнаружив среди них данный текст [6]. В переломную эпоху истории России светская повесть зарождается в среде образованной прослойки интеллектуалов-книжников. Надо отметить, что «Повесть о Дракуле» достаточно хорошо изучена, не раз была опубликована, и наибольший вклад в ее исследование сделал Я. С. Лурье – известный историк-медиевист, специалист по общественной мысли и литературе эпохи новгородско-московской ереси [7]. В связи с ересью как раз и затрагивался вопрос о «Повести о Дракуле» – ведь Федор Курицын был виднейшим представителем еретического движения, известного также как «ересь жидовствующих». Предметом внимания ученых становились необычная композиция, мозаичная и на первый взгляд несвязная; поэтика (вместо обычного для древнерусской литературы прямолинейного дидактизма – косвенность и неявное выражение моральных уроков) и, особенно, идеология повести – проблема «грозной» власти и ее допустимых пределов. Не затрагивался лишь вопрос об имплицитной полемичности повести и о художественном выражении этой полемичности, которое, на наш взгляд, заключается в сатирической перекодировке, «выворачивании мира наизнанку», как называли смеховые приемы русских книжников соавторы известной книги «Смех в древней Руси» [4].

Итак, дьяк Курицын был главой московского кружка вольнодумцев (ему покровительствовал сам великий князь), а идеология еретиков соперничала с набиравшей силу доктриной «иосифлянства», обоснованной игуменом Волоколамского монастыря Иосифом Волоцким и ставшей позже официальной линией власти. См. об Иосифе новейшую работу [1]. Иосифляне полагали, что власть церкви выше великокняжеской, что церковь должна быть богатой и пользоваться всеми земными благами и активно участвовать в государственных делах. Внутри корпорации богословов им противостояли «нестяжатели», ратовавшие за аскетический идеал раннего христианства и невмешательство церкви в светские дела. В какой-то мере их

доводы были близки и еретикам-«жидовствующим», отрицавшим монашество, дуализм светской и духовной власти, догматическое давление и злоупотребления церковных иерархов.

Сохранился древнейший список «Повести о Дракуле» – т.н. Кирилловский 1490-91 гг., принадлежащий перу знаменитого переписчика, кирилло-белозерского монаха Ефросина [3]. В этой рукописи упоминается более ранний список, также созданный Ефросином за 4 года до этого, и таким образом для повести устанавливается *terminus a quo* как 1486 г. Ниже попробуем, сопоставляя факты из текста повести и писаний иосифлян, показать на конкретных примерах вольнодумную полемичность автора.

Скрытая полемичность обнаруживается, например, уже в отношении к сильной светской власти. Еретики не только не были ее противниками (как можно прочесть у некоторых авторов), но и довольно близко стояли к ней, особенно участники московского курицынского кружка: среди поклонников сановного еретика была даже невестка великого князя Елена Стефановна. Иосиф Волоцкий писал о Курицыне: *«Того бо державный во всем послушаше»* [7].

Далее, Иосиф Волоцкий пишет: *«Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имат царствующа страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех – неверие и хулу, таковой царь не божий слуга, но диаволь, и не царь, но мучитель. И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертью претить!»* [7].

А вот что сообщает «Повесть о Дракуле»: *«И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет живъ. Аще ль велики боляринь, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имѣл бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозень бысть»* [8, с. 434].

(Параллель этому усматривается в более позднем «Сказании о Магметсалтане» Ивана Пересветова: «но без таковыя грозы немочно в царство правды ввести»).

Следует отметить близость «Повести о Дракуле» современным ей европейским явлениям культуры: так, жестокость Дракулы находит параллели в «Государе» Макиавелли: *«новый князь не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии»* [5]. Важнейшим политическим средством для него являются *«хорошо примененные жестокости»*, писал флорентийский мыслитель. Эти *«хорошо примененные жестокости»* Дракулы в повести как бы располагаются по степени их государственной важности в убывающем порядке.

Иосиф проповедует «нищелюбие»: *«Беседуя нищему, да не оскръбиши его...», «алчнаго накръми, жаднаго напои, яко же сам господь повеле, нагаго одежды, странна введи, болнаго посети, к темници доиди, и виждь беду их*

и, аще что требуют, подайждь им, и поскорби, и въздохни, и прослезися с ними» [7].

Поведение Дракулы в повести выглядит как злая пародия на этот совет Иосифа: *«Единою ж пусти по всей земли свое велѣние, да кто старъ, иль немощенъ, иль чимъ вреденъ, или нищъ, вси да приидут к нему. И собращася бесчисленное множество нищих и странных к нему, чающе от него великия милости. Он же повелѣ собрати всѣх во едину храмину велику, на то устроену, и повелѣ дати имъ ясти и пити довольно; они же ядше и возвеселишася. Он же сам приде к нимъ и глагола имъ: «Что еще требуете?» Они же вси отвѣщаша: «Вѣдает, государю, Богъ и твое величество, как тя Богъ вразумит». Он же глагола к ним: «Хотите ли, да сотворю вас беспечалны на сем свѣтѣ, и ничим не нужни будете?» Они же, чающе от него велико нѣчто, и глаголаша вси: «Хотемъ, государю». Он же повелѣ заперети храм и зажещи огнем, и вси ту изгорѣша. И глаголаше к бояром своимъ: «Да вѣсте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никтоже да не будетъ нищъ в моей земли, но вси богати; второе, свободих ихъ, да не стражут никтоже от них на семъ свѣтѣ от нищеты иль от недуга» [8, с. 436].*

Иосиф Волоцкий осуждал «глумы» и насмешливое отношение к жизни. *«Да будет ти горько неполезных повестей послушание!»*

Именно об этом писал И. П. Еремин: *«Смех в древнерусской литературе был бы неуместен, да он здесь никогда и не звучал» [2, с. 78].* Напротив, наиболее яркая особенность Дракулы – его мрачная и неожиданная шутливость. Именно она в соединении с жестокостью придает его образу индивидуальность и объемность: *Приидоша к нему нѣкогда от турьскаго [царя] поклицарие и, егда внидоша к нему и поклонились по своему обычаю, а капъ своих з главъ не сняша. Он же вопроси их: «Что ради...такову срамоту ми учинисте?» Они же отвѣщаша: «Таковъ обычай нашъ, государь, и земля наша имѣет». Он же глагола имъ: «И азъ хочу вашего закона потвердити, да крѣпко стоите». И повелѣ имъ гвоздиемъ малым желѣзным ко главам прибити капы и отпусти ихъ, рекъ имъ: «Шедше, скажите государю вашему: онъ навикъ от вас ту срамоту терпѣти, мы же не навикохом, да не посылает своего обычая ко иным государемъ, кои не хотят его имѣти, но у себе его да держит» [8, с. 432].* *«...Царь же, услышав от посла своего, что Дракула хочет приити к нему на службу, и посла его почести и одари много... Дракула же поиде, събрався съ всѣм воинством, и приставове царстии с нимъ, и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапно вернуся, и начат плѣнити градове и села, и множество много поплѣни и изсѣче, овых на коліе сажяху турков, а иных на полы пресѣкая и жжигая, и до ссущих*

младенец... «Шедше, повѣсте царю вашему, якоже видѣсте: сколько могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и азъ еще хочу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничтоже ему не може учинити, но срамом побѣженъ бысть» [8, с. 434].

Автор даже моделирует словно бы «иосифлянское» и «нестяжательское» поведение двух монахов, делая каждого из них рупором соответствующих доктрин:

Единою ж приидоша к нему от Угорскыя земли два латинска мниха милостыни ради. Он же повелѣ их развести разво, и призва к себѣ единого от них, и показа ему округ двора множество бесчисленое людей на колѣхъ и на колесѣх, и вопросы его: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на коли?» Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши, без милости казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на кольи мученици суть»... Он же призвавъ перваго и глагола к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своя ходиши по великым государемъ, не зная ничтоже? А нынѣ самъ еси глаголалъ, яко ти мученици суть, азъ и тебе хочу мученика учинити, да и ты с ними будиши мученикъ». И повелѣ его на колѣ посадити.

Призвавъ же и другаго и вопросы его тако же. Он же отвѣща: «Ты, государь, от Бога поставленъ еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своимъ дѣломъ въсприали»... Другому повелѣ дати 50 дукатъ злата, глаголя: «Ты еси разумень муж». И повелѣ его на возѣ с почестиемъ отвести и до Угорскыя земли [8, с. 436].

Нетрудно понять, какая из двух позиций ближе автору повести.

Важнейший мотив памятника – испытание попавших в руки Дракулы людей. Испытывается мудрость собеседника, средством испытания чаще всего служит загадка, имеющая метафорический смысл, и сатира кроется в столкновении буквального и иносказательного смысла этих загадок. Так ведет себя Дракула в отношении вышеупомянутых монахов, а также с одним из послов, которому было предложено угадать, для кого предназначен позолоченный кол, или с купцом, у которого украли деньги и, прежде чем вор был пойман, желая испытать его, Дракула подбросил ему лишний дукат. Недогадливые персонажи словно расплачиваются за свое «неизящество». Этот прием известен и другим русским памятникам той же эпохи – «Повести о Басарге», повестям о царе Соломоне.

Именно этот «дьявол», сажавший людей на кол, добивался в повести Курицына того, чего не могли достигнуть другие правители: искоренял зло в своем государстве. Отсутствие в «Повести о Дракуле» нравоучения было не недостатком повести, а чертой новой поэтики. Это трудно было осознать современникам и потомкам: в XVI в. повесть надолго исчезает из рукописной традиции, не только из-за враждебности церкви к «светской» литературе, но и, возможно, из-за пугающей контрастности повествования. Не случайно,

вернувшись в книжность в XVII веке, повесть вынуждена была упростить поэтику: Дракула уже изображается либо жестоким, либо мудрым. Люди новой эпохи, наученные горьким опытом Смутного времени, не понимали и не принимали сочетания в правителе обоих этих свойств. В свое время, находясь вне иосифляно-нестяжательской полемики, автор нашей повести до некоторой степени ее предвосхитил, дав гротескно-сатирические параллели ключевым принципам официальной идеологии. Его по праву можно считать одним из предтеч русского вольнодумства.

Литература

1. Алексеев А. И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480 – 1510-х гг. – СПб.: РНБ, 2010.
2. Еремин И. П. О художественной специфике древнерусской литературы // Русская литература – 1958 – № 1.
3. Каган М. Д., Поньрко Н. В., Рождественская М. В. Описание сборников XV века книгописца Ефросина // ТОДРЛ – Т. XXXV. – Л., 1980.
4. Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
5. Макиавелли Н. Государь // Макиавелли Н. Избранные произведения. – М.: Художественная литература, 1982.
6. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. – СПб, 1842.
7. Повесть о Дракуле / Исслед. и подг. текстов Я. С. Лурье. – М.; Л.: Наука, 1964.
8. Сказание о Дракуле воеводе // «Изборник». Сборник произведений литературы Древней Руси. – М., 1969. – С. 432-445.

Анотація

Предметом уваги стає авторська позиція в «Повісті про Дракулу» – літературній пам'ятці кінця XV ст., що протистояла державній ідеології, яка розвивалася, на рівні сатирично-полемічних прийомів.

Ключові слова: повість, сміх, сатира, полеміка, вільнодумство.

Аннотация

Предметом внимания становится авторская позиция в «Повести о Дракуле» – литературном памятнике конца XV в., противостоявшем развивавшейся государственной идеологии на уровне сатирико-полемических приемов.

Ключевые слова: повесть, смех, сатира, полемика, вольнодумство.

Summary

Focus of attention is the author's position in the "Dracula Story" – a literary monument of the end of the XV century and its satirical polemic techniques opposed the nascent state ideology.

Key words: story, laughter, satire, controversy, libertinism.